ОНТОЛОГИЯ МЕДИАЛИНГВИСТИКИ

УДК 303.01

Факторы модернизации терминологии в теории журналистики

С. Г. Корконосенко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 26

Для цитирования: Корконосенко, С. Г. (2019). Факторы модернизации терминологии в теории журналистики. *Медиалингвистика*, 6(3), 290–302. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.301>

Затрагиваются вопросы формирования и модернизации терминологического аппарата теории журналистики в условиях изменения социально-культурной среды и технико-технологического обеспечения ее функционирования. В литературе настойчиво проводится мысль о необходимости коренного пересмотра теоретических представлений о журналистике, что должно сильно отразиться на лексической репрезентации научного знания. Автор рассматривает опыт составления терминологических словарей журналистики в России и за рубежом и отмечает высокую активность на этом направлении, в основном на прикладном уровне. Однако не решена задача издания фундаментального энциклопедического словаря. Выполнить эту работу можно в том случае, если в основу словаря положена адекватная теоретическая концепция современной журналистики. В исследовании предпринят анализ публикаций последних лет, в которых оценивается воздействие на теорию журналистики и ее терминологию двух главных факторов: тенденций, сложившихся в мировой науке, и цифрового взрыва в медийной индустрии. Сторонники радикальных изменений настаивают на том, что под влиянием данных факторов теория журналистики должна уступить место теории медиа. Соответственно медиа должны стать системообразующим элементом в терминологии. Вместе с тем авторитетные зарубежные ученые утверждают, что мнимый кризис журналистики характерен для отдельных стран Запада и идею пересмотра теории выдвигают представители англо-американской школы коммуникативистики. В других регионах планеты, с одной стороны, журналистика успешно развивается, хотя и меняется по формам функционирования, с другой стороны, лексическое разнообразие, привносимое разными национальными культурами, в большей мере обогащает науку, чем терминологическая унификация. Автор статьи также не видит причин для отказа от теории журналистики с ее устойчивой терминологией, которая отражает существующую институциональную и профессиональную реальность.

Ключевые слова: теория журналистики, теория медиа, терминология, модернизация, цифровизация.

Постановка проблемы. В 2000-х годах обновление терминологии стало одной из популярных тем в теоретико-журналистских публикациях. Для примера сошлемся на специальный выпуск журнала «Вестник Московского университета», в котором основная тема номера обозначена так: «Современная журналистика: актуализация основных понятий и терминов» [Вестник Московского университета 2012]. В дальнейшем мы коснемся содержания включенных в него публикаций. Некоторые статьи в жанре теоретических обзоров открываются обращением к терминам: «Неустоявшаяся терминология отечественных медиаисследований сегодня отражает революционность современного этапа в развитии медиа» [Вартанова 2017: 8] (логическую организацию фразы в данном случае мы оставляем без внимания). Вряд ли есть необходимость перечислять многочисленные публикации и высказывания на эту тему, подтверждающие ее актуальность, — она, на наш взгляд, не требует доказательств. В проблемном плане важнее разобраться в причинах и следствиях, т. е. в том, во-первых, какие факторы и обстоятельства вызывают повышенный интерес к модернизации терминологии в области журналистики и, во-вторых, каким образом следует учитывать их воздействие в теоретической работе. Так мы представляем себе цель своего исследования.

История вопроса. Для начала попытаемся обозреть опыты решения проблемы, представленные в виде терминологических словарных изданий. Мы не ставим перед собой задачу дать их типологическую классификацию, поскольку, во-первых, наш анализ лежит в плоскости причин изменения терминологии, а не лексического состава научного дискурса, во-вторых, для специалистов вопрос о месте терминологического словаря в современной типологии словарей остается открытым в силу неоднозначности понимания самого термина «терминологический словарь» [Колесникова 2008: 96; Комарова 1991: 74]. Важно, что таких изданий необычайно много, и это дополнительно свидетельствует как о потребности в адекватном и общепотребительном терминологическом аппарате, так и о хаосе, царящем в мире журналистских понятий и слов. Потребность ощущают сотрудники информационной индустрии, и навстречу их ожиданиям появляются всевозможные вспомогательные справочники, словари служебных слов, не претендующие на академическую строгость определений. Многообразие присуще и международной, и российской профессиональной среде. Приведем некоторые примеры:

break: опубликовать важную или драматическую историю в первый раз. Освещать последние новости — это значит сообщать о событии, которое все еще продолжается; **journalism:** бизнес и ремесло производства контента для СМИ; **link:** слово или изображение для клика на веб-странице, которые направляют вас на другую страницу или сайт; **maestro:** сотрудник, который работает с журналистами, редакторами, фотографами и дизайнерами для планирования и создания специальной трактовки истории [Journalism terminology glossary].

Как несложно заметить, авторы предельно упрощают толкование понятий, в том числе тех, которые вызывают напряженные дискуссии в академических кругах (*journalism*), и выбирают слова на основе личных предпочтений (*maestro* в приведенном значении не встречается в других словарях). Кроме того, они предлагают отнюдь не универсальные дефиниции. Так, *break* в других источниках понимается либо как *когда история опубликована в первый раз* [Journalism and publishing terms], либо как *место, на котором история переходит с одной стра-*

ницы на другую, но особенно из одной колонки в другую [Karthik]. Такому любительскому решению задачи не приходится удивляться, поскольку авторами прикладных справочников становятся люди из редакционной практики, далекие от научно-терминологических дискуссий. Так, в биографической справке об одном из них [Narrower 2013] говорится, что он работал в газетах в качестве редактора, дизайнера и колумниста.

В России инициативу создания подобных пособий для сотрудников СМИ нередко берут на себя творческие объединения журналистов (см., например: [Глоссарий журналиста 2013]). При этом составители не скрывают, что в их произведениях профессионализмы (наименования, имеющие хождение в узкой производственной среде) перемешиваются с явно жаргонной лексикой: *Сникерснуть* — *расторгнуть автора материала, потрясти для получения материала*; *Хрип* — *аудиозапись, сделанная по телефону (она же Хрипушка)*, и т. п. [Словарь терминов журналистов]. Дайджесты такого производственно-прикладного назначения ни в коей мере не должны становиться объектом научной критики, но они и ни в коей мере не заменяют собой серьезной академической продукции.

Иные претензии ощутимы в изданиях, дающих более или менее развернутое толкование понятий. Часть из них также базируется на включенности автора в производственную жизнь редакций, что сказывается и на подборе слов, и на манере их интерпретации — беллетризованной, близкой к публицистическому стилю. К примеру, можно прочесть такое: *«информационная война — громко сказано, но это противостояние одного СМИ другому. Как водится, заканчивается ничем»* (безотносительно к иным толкованиям, содержащимся в огромном массиве специальной литературы) или *«поза — притворство, неискреннее поведение, рисовка... Подчеркнутое позерство в поведении журналиста — прямой путь к предвзятости в трактовке темы материала»* [Кессарийский 2002: 99, 197]. Иное по объему и степени достоверности знание предлагается в случаях, когда словарная статья соотносится с литературой вопроса и включает в себя документальное обоснование определений. Тогда перед читателем предстают такие описания: *«Информационная война — этот термин впервые оказался в фокусе общественного внимания в связи с войной в Персидском заливе в 1991. <...> В наиболее понятийно концентрированном смысле под информационной войной следует понимать борьбу сторон за достижение превосходства над противником в своевременности, достоверности, полноте получения информации, скорости и качестве ее переработки и доведении до исполнителей»* [Князев 2002: 103–105]. Цитируемая книга сопровождается обширным списком использованной литературы, что говорит об основательности проделанной работы. Словарные издания с таким подходом к материалу приближаются к разряду энциклопедических.

Русскоязычных энциклопедических словарей в области журналистики в 2000-е годы появилось немало, хотя, как правило, они выходят с пометкой «выпускается впервые», причем география публикаций весьма широка, она включает в себя различные города России и стран СНГ [Козыбаев 2007; Лозовский 2007; Романовский 2004; Страшнов 2016 и др.]. Отдельного упоминания заслуживает уникальный справочник по медиалингвистике [Дускаева 2018], в котором при отчетливо речеведческой направленности содержания раскрываются понятия более широкого предметно-теоретического и профессионально-производственного спектра.

Методика анализа. Краткий и, конечно, не абсолютно полный обзор словарной литературы дает основание заключить, что в этом направлении ведется постоянная, разнообразная и довольно интенсивная работа. Вместе с тем для неудовлетворенности состоянием дел, о чем говорилось в начале статьи, есть поводы и основания. Вопрос даже не в том, что среди названных и прочих изданий нет такого, которое обладало бы нормативной силой или хотя бы наибольшей известностью и авторитетностью. В условиях идейного плюрализма и доступности практически любых источников справочной информации мечтания о всеобщем согласии и единомыслии сродни иллюзиям. Вопрос заключается в том, насколько устойчиво здание научной терминологии, построенное на традиционных теоретико-концептуальных основаниях.

Как нам представляется, неизбежному новому этапу в создании и систематизации терминов должно предшествовать уточнение теоретико-методологических оснований, причем желательно на консенсусных началах. Только в этом случае можно будет приступить к разработке системы, а не сборников разнородных по концептуальному происхождению дефиниций. В своем анализе мы прослеживаем направления теоретических споров об эволюции журналистики, идущих сегодня в мировой и отечественной науке. С этой целью рассматриваются публикации, вызывающие резонанс в научной среде постольку, поскольку в них предлагается то или иное видение будущего журналистики. Как правило, авторы публикаций выявляют фундаментальные факторы, способствующие ее коренному преобразованию или, наоборот, самосохранению в сущностных чертах. В качестве гипотезы мы выдвигаем тезис о том, что такие факторы сильно воздействуют на содержание журналистской деятельности и способы ее осуществления, как и на теоретические представления о ней и терминологический аппарат, но не влекут за собой коренного переворота в науке.

Анализ материала. Активная дискуссия о главных векторах развития теории журналистики уже идет, и терминологический дискурс является одним из ее проявлений и отражений. Результатом дискуссии могла бы стать в том числе фундаментальная энциклопедия журналистики, по возможности лишенная субъективизма и разногласий в трактовке базовых понятий. Примеры для подражания и творческого переосмысления предлагает международная практика. Так, несколько переизданий выдержала «Encyclopedia of communication theory» [Littlejohn, Foss 2009]. Двухтомник включает в себя более 300 статей 200 авторов из десяти стран мира с разных континентов. Основное содержание дополнено читательскими указателями, в которых, во-первых, все теории сгруппированы в тематические блоки, во-вторых, представлены имена теоретиков с обозначением их научных интересов, в-третьих, дана хронология событий в истории научной мысли по вопросам коммуникации. По иной логической схеме построена монография «Mass communication theory» [Baran, Davis 2012]. Здесь за структурообразующий принцип взята эволюция научных взглядов, в тесной взаимосвязи с движением в социальной, коммуникационной и журналистской практике. В теоретико-концептуальном отношении данные издания отличаются целостностью и непротиворечивостью, поскольку в основание положены постулаты англосаксонской школы коммуникативистики. Характерно, однако, что отечественные ученые и их концепции в исследовании журналистики и массовых коммуникаций в обеих книгах обойдены

молчанием. Таким образом, российский читатель в пакетном режиме получает реестр имен, воззрений, категорий, понятий и терминов, пришедших из зарубежной социокультурной среды. И сказанное относится отнюдь не только к названным энциклопедиям.

Здесь мы переходим к рассмотрению первого из основных факторов, вызывающих модернизацию терминологии в отечественной теории журналистики, а именно воздействия зарубежных источников, прежде всего англоязычных. Факт воздействия не требует доказательств, вопрос заключается в том, как его оценивать и до какой степени ему способствовать. На этот счет отдельные авторы весьма категорично дают положительное заключение: «Интернационализация предполагает заимствование и адаптацию теоретико-концептуального аппарата из зарубежного, преимущественно англо-саксонского, академического дискурса. В условиях глобализации интернационализация становится неизбежным процессом» [Дунас 2017: 31]. Однако тот же автор описывает состояние теоретико-концептуального аппарата за рубежом в следующих констатациях: «Характерная особенность исследований СМИ — определенная свобода в использовании терминов и обозначений. Исследователи могут давать разные определения одним и тем же процессам и использовать термины как синонимичные, что приводит к обозначению одним термином диаметрально противоположных процессов. Хотя в большинстве своем исследователи лояльно относятся к данной “терминологической свободе”... некоторые ученые критически воспринимают пренебрежение унифицированностью терминологического аппарата» [Дунас 2016: 117]. Мы склонны присоединиться к критикам такой «терминологической свободы». Российские теоретики журналистики обоснованно отмечают, что «зарубежные исследователи, развивая свои концептуальные идеи, стремились едва ли не “во что бы то ни стало” представлять их в “индивидуализированном” своеобразном терминологическом обличье» [Прохоров 2012: 28]. На этом фоне призыв непременно заимствовать и адаптировать звучит неубедительно.

Гораздо более взвешенными, а главное — продуктивными представляются рассуждения европейского аналитика коммуникаций Н. Карпентье о путях преодоления антагонизма научных школ: «...доминирование одного языка (*lingua franca* — универсальный язык. — С. К.) может уменьшить концептуальное разнообразие и обеднить наш академический язык(и) и стили письма <...> различные слова в разных языках позволяют подчеркнуть различные аспекты значений важнейших обозначений. Иными словами, социально-коммуникативные процессы не так легко схватить одним конкретным понятием и лингвистическое разнообразие действительно играет значительную роль» [Carpentier 2015: 215]. В самом деле, анализ семантики популярных в русском речевом обороте слов показывает, как трудно уместить их значения в иноязычные заменители. К примеру, обращаясь к глубинным корням русского национального этоса, отечественные лингвисты объясняют зарубежным коллегам, что «в русском языке есть два слова, выражающих идею соединения: общение, понимаемое как личное взаимодействие, основанное на общих и разделяемых ценностях, и коммуникация, понимаемая как передача информации» [Клыukanov 2008: 5]. Личностность, субъектность информационного взаимодействия передаются словом «общение», которое ясно выражает гуманитарную сущность поведения человека в медиасреде.

Приведенные суждения перекликаются с идеями интернационализации и международного научного обмена. Только обмен ни в малейшей степени не понимается как однонаправленный процесс. В мировой литературе Новейшего времени интернационализация соотносится с тенденцией к девестернизации концепций и методики труда в изучении журналистики и коммуникаций, т. е. отказу от глобального господства англосаксонского академического дискурса и равноправному взаимодействию разных национальных школ. Суть проблемы точно выразили южноафриканские исследователи: «Важным является различие между подходами, ориентированными на диалог или включение. Даже если различные журналистики *включены* в общемировом масштабе, некоторые из них могут остаться на положении маргинальных или отчужденных как “альтернативные” журналистики... и, следовательно, неспособных оказывать влияние на доминирующий поток для его изменения, что было бы возможно при подлинно *диалогическом* подходе» [Wasserman, de Beer 2009: 429].

Не будем множить цитаты, подобные высказывания были нами подробно представлены ранее [Korkonosenko 2014]. Выводы, как нам кажется, понятны: восприятие иноязычной терминологии — это естественный процесс, особенно в современном мире без границ, но это и не магистральный путь построения отечественной терминологической системы. Даже компромиссное уточнение «адаптация» не служит страховкой от противоречий и неувязок при копировании иной по происхождению лексики. Адаптировать нужно к среде, имеющей сколько возможно отчетливые и устойчивые качественные характеристики. Средой для терминологии является теоретико-концептуальный аппарат российской журналистики, который, в свою очередь, соотносится с реальным состоянием отечественной, а также мировой журналистской практики. Конечно, наука может опережать практику, подсказывать последней образцы для подражания, быть лучше практики и т. д. Но она генетически не может игнорировать производственную и профессиональную реальность. Для какой же реальности предназначена гипотетическая адаптация?

Гармоничнее всего заимствованный понятийно-терминологический материал встраивается в те обстоятельства, которые идентичны порождающей его практике, т. е., в нашем случае, журналистике ведущих западных держав. Но именно ей в западной литературе регулярно ставятся летальные диагнозы, как, например, в публикации под тревожным названием «Журналистика в кризисе?»: «Появление Web в значительной степени привело к деинституционализации журналистики... Теоретически журналистом... может быть кто угодно» [Russial, Laufer, Wasko 2015: 301]. Адаптация терминологии, характеризующей исчезающий феномен, фактически лишается смысла. Вместе с тем, по наблюдениям европейских исследователей, декларируемый кризис является кризисом той профессиональной парадигмы, которая принята журналистами на Западе, тогда как в других районах планеты журналистика прогрессирует и сталкивается с конкретными, практическими проблемами, подлежащими рассмотрению. Соответственно «изучение журналистики с незападной точки зрения не должно быть просто побочным направлением журналистских исследований; оно может поставить под сомнение ключевые положения о журналистике, которые мы давно принимаем как должное» [Hanitzsch 2019: 216]. Думается, сказанное в полной мере относится к модернизации терминологии.

Добавим, что запрос на оригинальные национальные подходы ощущается и в журналистском образовании. Как считают составители фундаментальной международной монографии «Global Journalism Education in the 21st Century», интересно было бы посмотреть не на повторение англо-американских моделей журналистского образования в других странах, а на то, насколько новые независимые материалы будут отличаться от западных по своим концептуальным направлениям и нормативному содержанию [Goodman, Steyn 2017: 436].

Перейдем ко второму фактору модернизации, явственно обозначенному в текущих публикациях, а именно к взрывному развитию информационно-коммуникативных технологий. В той или иной форме в литературе говорится, что пришел «цифровой век», в котором теории с устоявшейся структурой и практики журналистики, воспринимаемые как должное, могут утратить свою силу» [Steensen, Ahva 2015: 4]. Нет и не может быть возражений против тезиса об отмирании устаревающих догматов, в том числе под влиянием технико-технологического прогресса. Более того, следует внимательно прислушаться к голосу тех теоретиков, кто идет дальше констатации технического перевооружения. По их версии, в «постцифровом» мире не столь важно, «имеет ли человек доступ к новейшим потребительским гаджетам или нет... Что же это значит — быть “пост”цифровым?.. Одним из способов ответа было бы предположение, что “постдигитал” — это гораздо в большей степени о способе мышления, чем о технологии, если эти вещи вообще можно разделять...» [Jandrić et al. 2019: 166]. Бытие человека и общества приобрело небывалое прежде измерение — медиажизнь (media life), что было зафиксировано сначала в отечественной, а потом и в зарубежной литературе [Корконосенко 2011; Deuze 2012].

Значит, научно-познавательная мысль должна концентрироваться на вопросах о том, насколько радикальны произошедшие перемены, влекут ли они за собой коренное преобразование сущности журналистики и, соответственно, способа мышления о ней, т. е. концептуальный и терминологический переворот. В дискурсе о современной журналистике онтология и гносеология связаны неразрывно, и эта связь отражается в терминологии. Данную связь отчетливо видят те зарубежные исследователи, кто выступает за интернационализацию теории. Отвергая скоропалительные и крайние выводы о «конце» журналистики и науки о ней, они пишут, что «в ответ на тревожные события в отдельных западных странах ученые выступили с призывами “перестроить”, “пересмотреть”, “переделать”, “реконструировать”, “переосмыслить” и “переизобрести” журналистику... и даже “переосмыслить еще раз”» [Hanitzsch 2019: 216]. Самое прямолинейное решение задачи «переизобретения» лежит на линии замены объекта изучения — от журналистики к каналам и технологиям, через которые она предстает миру.

Поскольку веяния реконструкции доносятся из ведущих западных стран, в российском контексте сливаются воедино оба фактора — зарубежное влияние и технологический скачок. В результате рождается проект под названием «От теории журналистики к теории медиа». Его инициаторы предлагают следующее переосмысление ретроспективы и перспективы отраслевой науки: «В прошлом отечественные ученые неоднократно предпринимали попытки наиболее точно обозначить область исследования медиа. Определение уникального пространства исследований с самостоятельным теоретико-концептуальным и методологическим

аппаратом привело к образованию достаточно стабильной и развитой системы теоретической рефлексии — «теории журналистики». Однако в контексте цифровых преобразований и активного расширения медиасферы ее широкое и полноценное применение оказалось невозможным» [Вартанова 2019: 153].

Приведенное высказывание вызывает целый ряд сомнений, даже в плане точности определений. Первое. Теоретики журналистики в прошлом отнюдь не стремились обозначить область исследования медиа — они работали в своей области, в журналистике, и именно это понятие включалось в название многочисленных монографий, учебников и учебных дисциплин, как, впрочем, происходит и сегодня. Второе. Самостоятельный теоретико-концептуальный и методологический аппарат призван отражать явления в журналистике, которая, как мы выяснили выше, не исчезла из профессиональной и общественной практики, и, следовательно, сохраняется потребность в этом аппарате, включая терминологию. Третье. Категорическое «применение оказалось невозможным» звучит как объявление о ликвидации целой отрасли знания, с чем вряд ли согласятся активно работающие в ней специалисты. Возможно, есть резон в формировании нового научного направления с собственной объектной базой (к ней будет относиться входящая в моду терминологическая новация «медиаисследования»), но только не за счет вытеснения и подмены другой, сложившейся ранее. Журналистика меняет свое технологическое оснащение, даже покидает традиционные носители своего содержания и при этом остается собой и по-прежнему приковывает внимание научного сообщества. По мнению известных аналитиков, «было бы ошибкой предполагать, что типы журналистики, возникающие вне и наряду с традиционными новостными организациями, обязательно отличаются или противоречат основным ценностям, идеалам и практике профессии» [Deuze, Witschge 2018: 168].

Из каких научно-дисциплинарных полей приходит тяготение к медиа, СМИ, массовым коммуникациям взамен журналистики? Зная предметные области разных наук, ответить не так уж сложно, тем более что сторонники замены сами заявляют о своих предпочтениях: «Теорию СМИ создали социологи. Причем зарубежные. Вероятно, российским исследователям не хватает ощущения причастности к созданной теории, российских интерпретаций и рефлексий, референций к отечественной теории журналистики. В работах социологов мы не находим рассмотрения журналистики и создания теоретических описаний журналистики, но находим системное изучение процессов массовой коммуникации в структуре общества» [Дунас 2017: 38]. Такая суженность дисциплинарного горизонта не получает поддержки со стороны авторов, ратующих за многомерность подходов к журналистике и усиление гуманитарного начала в ее изучении. По их оценкам, «почти пятидесятилетний опыт создания советской науки о журналистике показывает, что создаваемая в рамках позитивистской парадигмы (социологическая школа журфака МГУ) теория не смогла стать адекватной нынешним условиям и требованиям профессиональной среды. Она дает лишь один срез феномена журналистики (экономическая целесообразность...), но не может стать основанием общей теории» [Дмитровский 2019: 9]. Надо добавить, что поиски точных теоретических и терминологических решений для журналистики в социологии коммуникаций не могут увенчаться успехом еще по одной причине. Она заключается в чрезвычайной размытости коммуникативного поля в науке, несмотря на многолетние попытки

придать ему некие четкие контуры. Подводя своего рода итог этим попыткам, ведущий специалист в данной области С. Вайсборд выпустил монографию, где признает, что коммуникативистика не является научной дисциплиной, а представляет собой своеобразную прото- и постнауку, которая не имеет теоретического и методологического ядра и существует в размытых дисциплинарных и интеллектуальных границах [Waisbord 2019].

Полемика помещается в более широкие рамки, когда она в целом касается взаимоотношений теории журналистики с другими научными дисциплинами, имеющими в журналистике свои предметные интересы. Президент Бразильский ассоциации исследователей журналистики проводит четкую разграничительную линию: «В то время как исследователь из другой области, изучающий журналистику, может довольствоваться использованием методологий из собственной дисциплины, потому что его изыскания имеют другую природу, исследователь, желающий выявить особенности журналистики... должен быть в первую очередь озабочен тем, как сделать возможной разработку... методологий, адаптированных к особенностям журналистики. <...> Мы настаиваем на различии между так называемыми исследованиями журналистики [journalism studies] и теориями журналистики» [Machado 2005: 14–15]. Аргументация автора устремлена к углубленной специализации в своей профессиональной сфере во избежание растворения в смежных науках.

Конечно, речь не может идти о недопустимости оригинальных идей в теории или директивном насаждении единственно правильной терминологии. Плюрализм служит двигателем науки, и с разными подходами надо считаться как с данностью. За данность надо принимать и лавинообразное проникновение в специальную лексику, с одной стороны, неоправданного калькирования иностранных выражений, с другой стороны — всевозможных техницизмов, тоже, как правило, иноязычных по рождению. Лексикон ученых и журналистов неудержимо засоряется избыточными англицизмами: неблагозвучный фактчекинг (вместо привычной проверки фактов), мертвящая аттрактивность (привлекательность), жаргонный фейк (дезинформация), не говоря уже о лишенных внятного содержания новых медиа.

До некоторой степени революционный взрыв в технологиях напоминает социально-культурный перелом, произошедший в России после 1917 года. Тогда тоже в речевую практику хлынули дисгармоничные лексические новообразования, хотя и спровоцированные иными факторами. Современники-литературоведы отмечали: «На наших глазах, можно сказать, произошел... прорыв словарного языкового фронта <...> — и новые слова, новые обороты, новые выражения неудержимым потоком низвергаются на язык». Какие же делались выводы? «Нельзя загородить поток, но можно направить его. Нельзя искоренить ни пошлое тяготение к новым словечкам, ни озлобленную ненависть к новому слову, но можно учить людей разумно и бережно относиться к своему языку» [Горнфельд 1922: 34–35, 63]. По всей видимости, терминологию журналистики в нашем веке тоже ждет постепенное, разумное и бережное выстраивание сообразно динамике профессиональной практики и логике развития своей области научного знания.

Выводы. Наблюдения за текущей литературой показывают, что вопросы терминологии находятся в фокусе научного интереса. Трудami научного и журналистского сообществ в России создан фонд разнообразных справочников, имеющих, как правило, прикладное, профессионально-практическое назначение. Вместе

с тем явно ощущается и формулируется в публикациях запрос на фундаментальные издания энциклопедического характера.

Решение данной задачи тесно связано с ответами на базовые вопросы о сущности журналистики в изменившейся социально-культурной и технологической среде. Сторонники коренного пересмотра концепций и вслед за тем терминологического аппарата аргументируют его действием двух мощных факторов — потребности развивать международное сотрудничество в теории и цифрового взрыва в медийной индустрии. Согласно этой логике журналистику в качестве опорной категории заменяют медиа и коммуникации, что проявляется как на уровне доктрин, так и на уровне терминологических обозначений. Однако предложения такого рода вызывают возражения в российских и зарубежных научных кругах.

По нашим представлениям, приоритетное внимание к медиа означает изменение объекта изучения и научно-дисциплинарного поля. Интересам развития теории в большей мере соответствует не вытеснение одного поля другим, а их взаимодействие и взаимодействие. Мы находим основания для подтверждения выдвинутой в статье гипотезы о том, что интернационализация и цифровизация являются мощными факторами изменений в теории журналистики и модернизации ее аппарата, но они не вызывают ее отмирания или радикального пересмотра.

Литература

- Вартанова, Е. Л. (2017). Теория медиа и общественная динамика. *МедиаАльманах*, 5(82), 8–12.
- Вартанова, Е. Л. (Ред.). (2019). *От теории журналистики к теории медиа. Динамика медиаисследований в современной России*. Москва: Изд-во Моск. ун-та.
- Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, 1. (2012).
- Глоссарий журналиста. Журналистские термины и понятия. Курский дом журналиста. [Web-страница]. (б/д). Электронный ресурс <http://domjour-kursk.ru/dom-journalista/glossariy/glossariy-journalista.html>.
- Горнфельд, А. Г. (1922). *Новые словечки и старые слова*. Петербург: Колос.
- Дмитровский, А. Л. (2019). Теории журналистики: почему они «не работают»? (Проблема синергетического подхода к журналистским явлениям). *Вопросы теории и практики журналистики*, 8(1), 36–56. [http://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(1\)](http://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(1)).
- Дунас, Д. В. (2017). О целесообразности создания теории СМИ на современном этапе. *Вопросы теории и практики журналистики*, 6(1), 30–40. [http://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6\(1\)](http://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6(1)).
- Дунас, Д. В. (2016). *Развитие и современное состояние теоретических исследований журналистики и СМИ в России*. Дис. ... канд. филол. наук. Москва.
- Дускаева, Л. Р. (Ред.). (2018). *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник*. Москва: ФЛИНТА.
- Кессарийский, Э. П. (2002). *Журналистский словарь*. Н. Новгород: ДЕКОМ.
- Князев, А. А. (2002). *Энциклопедический словарь СМИ*. Бишкек: КРСУ.
- Козыбаев, С. К. (2007). *Масс-медиа: словарь-справочник*. Алматы: Экономика.
- Колесникова, Е. А. (2008). К вопросу о месте терминологического словаря в современной типологии словарей. *Альманах современной науки и образования*, 8(15), в 2-х ч., ч. 1, 94–97.
- Комарова, З. И. (1991). *Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание*. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та.
- Корконосенко, С. Г. (2011). Медиажизнь и гарантии коммуникационной свободы. *Акценты*, 5–6, 6–14.
- Лозовский, Б. Н. (2007). *Журналистика и средства массовой информации: крат. словарь*. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т.
- Прохоров, Е. П. (2012). Терминологический аппарат — понятийно-смысловой скелет науки. *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*, 1, 27–38.
- Романовский, И. И. (2004). *Масс медиа. Словарь терминов и понятий*. Москва: Союз журналистов России.

- Словарь терминов журналистов. ЖурДом [Web-страница]. (6/д). Электронный ресурс <http://journalism.ru/news/8934>.
- Страшинов, С.Л. (2016). *Актуальные медиапонятия: опыт словаря сочетаемости*. Екатеринбург: Литагент Ридеро.
- Baran, S. J., Davis, D. K. (2012). *Mass communication theory: Foundations, ferment, and future*. 6th ed. Boston, MA: Wadsworth.
- Carpentier, N. (2015). Recognizing difference in academia. The sgridge as a metaphor for agonistic interchange. In L. Kramp, N. Carpentier & A. Hepp, et al. (eds), *Journalism, representation and the public sphere* (pp. 211–226). Bremen: Edition Lumière.
- Deuze, M. (2012). *Media life*. Cambridge: Polity Press.
- Deuze, M., Witschge, T. (2018). Beyond journalism: Theorizing the transformation of journalism. *Journalism*, 19(2), 165–181.
- Goodman, R. S., Steyn, E. (Eds). (2017). *Global journalism education in the 21st century: Challenges and innovations*. Austin: Knight Center for Journalism in the Americas, University of Texas at Austin.
- Hanitzsch, Th. (2019). Journalism studies still needs to fix Western bias. *Journalism*, 20(1), 214–217.
- Harrower, T. (2013). *Inside reporting: A practical guide to the craft of journalism*. 3rd ed. Dubuque, Iowa: McGraw-Hill.
- Jandrić, P., et al. (2019). Postdigital dialogue. *Postdigital Science and Education*, 1, 163–189.
- Journalism and publishing terms — jargon buster. Journalism.co.uk [Web-страница]. (6/д). Электронный ресурс <https://www.journalism.co.uk/glossary.shtml>.
- Journalism terminology glossary. Sackstein's Journalism Resources [Web-страница]. (6/д). Электронный ресурс <https://www.sites.google.com/a/wjps.org/the-blazer---newspaper-class/journalism-terminology-glossary>.
- Karthik, P. Important journalistic terminology — every journalism student should remember. Preserve Articles [Web-страница]. (6/д). Электронный ресурс <http://www.preservearticles.com/important-journalistic-terminology-every-journalism-student-should-remember.html>.
- Klyukanov, I. E. (2008). Inaugural essay. *Russian Journal of Communication*, 1(1), 5–6.
- Korkonosenko, S. (2014). Russian journalism research in an international context. *Russian Journal of Communication*, 6(2), 155–159.
- Littlejohn, S. W., Foss, K. A. (Eds). (2009). *Encyclopedia of communication theory*. Thousand Oaks, CA: SAGE.
- Machado, E. (2005). From journalism studies to journalism theory. Three assumptions to consolidate journalism as a field of knowledge. *Brazilian Journalism Research*, 1(1), 11–23.
- Russial, J., Laufer, P., Wasko, J. (2015). Journalism in crisis? *Javnost — The Public*, 22(4), 299–312. <http://doi.org/10.1080/13183222.2015.1091618>.
- Steensen, S., Ahva, L. (2015). Theories of journalism in a digital age. *Journalism Practice*, 9(1), 1–18. <http://doi.org/10.1080/17512786.2014.92845425>.
- Waisbord, S. (2019). *Communication: Post-Discipline*. Cambridge, UK; Medford, MA: Polity.
- Wasserman, H., de Beer, A. S. (2009). Towards de-Westernizing journalism studies. In K. Wahl-Jorgensen & Th. Hanitzsch (Eds), *The Handbook of Journalism Studies* (pp. 428–438). New York: Routledge.

Статья поступила в редакцию 1 марта 2019 г.;
рекомендована в печать 24 апреля 2019 г.

Контактная информация:

Корконосенко Сергей Григорьевич — д-р полит. наук, проф.; s.korkonosenko@spbu.ru

The factors of terminology modernizing in journalism theory

S. G. Korkonosenko

St. Petersburg State University,
26, 1-ia liniia V.O., St.-Petersburg, 199004, Russian Federation

For citation: Korkonosenko, S. G. (2019). The factors of terminology modernizing in journalism theory. *Media Linguistics*, 6(3), 290–302. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.301> (In Russian)

The article deals with the forming and modernizing the journalism theory terminological apparatus in the changing socio-cultural environment and technical and technological support of its functioning. Some scholars insist on the need for a radical revision of the theoretical concepts in journalism, which would greatly affect the lexical representation of scientific knowledge. The author considers the experience of compiling terminological dictionaries of journalism in Russia and abroad and notes the high activity in this area, mainly at the applied level. However, the task to publish the fundamental encyclopedic dictionary is still to be completed. It will only be possible if there is an adequate theoretical concept of modern journalism to rely on. The study analyzes recent publications, which assess the impact on the journalism theory and its terminology of two main factors, namely the trends in world science and the digital explosion in the media industry. Supporters of radical changes insist that due to these factors the theory of journalism should give way to the theory of media. Accordingly, the media would become an essential element in the terminology system. At the same time, authoritative foreign scientists write that the imaginary crisis of journalism is typical of some Western countries and that the idea to revise the theory is promoted by representatives of the Anglo-American school of communication studies. In other regions of the world, on the one hand, journalism is successfully developing, although changing in forms of functioning, on the other hand, the lexical diversity brought by different national cultures, enriches science more than terminological unification. The author also sees no reason to kill journalism theory with its stable terminology, which reflects the existing institutional and professional reality.

Keywords: journalism theory, media theory, terminology, modernization, digitalization.

References

- A glossary of the journalist. Journalistic terms and concepts. Kursk Journalist's House [Web-page]. (n.d.). Retrieved from <http://domjour-kursk.ru/dom-journalista/glossariy/glossariy-journalista.html>. (In Russian)
- Baran, S. J., Davis, D. K. (2012). *Mass communication theory: Foundations, ferment, and future*. 6th ed. Boston, MA: Wadsworth.
- Carpentier, N. (2015). Recognizing difference in academia. The sgridge as a metaphor for agonistic interchange. In L. Kramp, N. Carpentier & A. Hepp, et al. (Eds), *Journalism, representation and the public sphere* (pp. 211–226). Bremen: Edition Lumière.
- Deuze, M. (2012). *Media life*. Cambridge: Polity Press.
- Deuze, M., Witschge, T. (2018). Beyond journalism: Theorizing the transformation of journalism. *Journalism*, 19(2), 165–181.
- Dictionary of journalists' terms. Journalist's House [Web-page]. (n.d.). Retrieved from <http://jourdom.ru/news/8934>. (In Russian)
- Dmitrovsky, A. L. (2019). Journalism theories: Why they “do not work”? (The problem of a synergistic approach to journalistic phenomena). *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 8(1), 36–56. [http://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(1\)](http://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(1)). (In Russian)
- Dunas, D. V. (2016). *Development and current state of theoretical studies of journalism and mass media in Russia*. PhD thesis. Moscow. (In Russian)
- Dunas, D. V. (2017). On the question of the feasibility of media theory formulation at present time. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 6(1), 30–40. [http://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6\(1\)](http://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6(1)). (In Russian)
- Duskaeva, L. R. (Ed.). (2018). *Metalinguistic in terms and concepts: Dictionary-reference*. Moscow: FLINTA Publ. (In Russian)
- Goodman, R. S., Steyn, E. (Eds). (2017). *Global journalism education in the 21st century: Challenges and innovations*. Austin: Knight Center for Journalism in the Americas, University of Texas at Austin.
- Gornfeld, A. G. (1922). *New words and old words*. Petersburg: Kolos Publ. (In Russian)
- Hanitzsch, Th. (2019). Journalism studies still needs to fix Western bias. *Journalism*, 20(1), 214–217.
- Harrower, T. (2013). *Inside reporting: A practical guide to the craft of journalism*. 3rd ed. Dubuque, Iowa: McGraw-Hill.
- Jandrić, P., et al. (2019). Postdigital dialogue. *Postdigital Science and Education*, 1, 163–189.
- Journalism and publishing terms — jargon buster. Journalism.co.uk [Web-page]. (n.d.). Retrieved from <https://www.journalism.co.uk/glossary.shtml>.

- Journalism terminology glossary. Sackstein's Journalism Resources [Web-page]. (n.d.). Retrieved from <https://www.sites.google.com/a/wjps.org/the-blazer---newspaper-class/journalism-terminology-glossary>.
- Karthik, P. Important journalistic terminology — every journalism student should remember. Preserve Articles [Web-page]. (n.d.). Retrieved from <http://www.preservearticles.com/important-journalistic-terminology-every-journalism-student-should-remember.html>.
- Kessariisky, E. P. (2002). *Journalistic dictionary*. Nizhnii Novgorod: DEKOM Publ. (In Russian)
- Klyukanov, I. E. (2008). Inaugural essay. *Russian Journal of Communication*, 1(1), 5–6.
- Kniazev, A. A. (2002). *Encyclopedic dictionary of mass media*. Bishkek: KRSU Publ. (In Russian)
- Kolesnikova, E. A. (2008). On the question of the terminological dictionary place in the modern typology of dictionaries. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 8(15): 2 parts, part 1, 94–97. (In Russian)
- Komarova, Z. I. (1991). *Semantic structure of a special word and its lexicographical description*. Sverdlovsk: Urals State University Publ. (In Russian)
- Korkonosenko, S. G. (2011). Media life and guarantees of communication freedom. *Aktsenty*, 5–6, 6–14. (In Russian)
- Korkonosenko, S. (2014). Russian journalism research in an international context. *Russian Journal of Communication*, 6(2), 155–159.
- Kozybaev, S. K. (2007). *Mass media: Dictionary-reference*. Almaty: Ekonomika Publ. (In Russian)
- Littlejohn, S. W., Foss, K. A. (eds). (2009). *Encyclopedia of communication theory*. Thousand Oaks, CA: SAGE.
- Lozovsky, B. N. (2007). *Journalism and mass media: Short dictionary*. 2nd ed., revised and expanded. Ekaterinburg: Urals State University Publ. (In Russian)
- Machado, E. (2005). From journalism studies to journalism theory. Three assumptions to consolidate journalism as a field of knowledge. *Brazilian Journalism Research*, 1(1), 11–23.
- Moscow University Journalism Bulletin. Series 10. Journalism*, 1. (2012). (In Russian)
- Prokhorov, E. P. (2012). Terminological apparatus — the conceptual and semantic skeleton of science. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 10. Zhurnalistika*, 1, 27–38. (In Russian)
- Romanovsky, I. I. (2004). *Mass media. Glossary of terms and concepts*. Moscow: Soiuz zhurnalistov Rossii Publ. (In Russian)
- Russial, J., Laufer, P., Wasko, J. (2015). Journalism in crisis? *Javnost — The Public*, 22(4), 299–312. <http://doi.org/10.1080/13183222.2015.1091618>.
- Steensen, S., Ahva, L. (2015). Theories of journalism in a digital age. *Journalism Practice*, 9(1), 1–18. <http://doi.org/10.1080/17512786.2014.92845425>.
- Strashnov, S. L. (2016). *Current media concepts: The attempt of the compatibility dictionary*. Ekaterinburg: Litagent Ridero. (In Russian)
- Vartanova, E. L. (2017). Media theory and social dynamics. *Mediaal'manakh*. 5(82), 8–12. (In Russian)
- Vartanova, E. L. (Ed.). (2019). *From journalism theory to media theory. Dynamics of media research in modern Russia*. Moscow: Publishing House of Moscow State University; Faculty of Journalism. (In Russian)
- Waisbord, S. (2019). *Communication: Post-Discipline*. Cambridge, UK; Medford, MA: Polity.
- Wasserman, H., de Beer, A. S. (2009). Towards de-Westernizing journalism studies. In K. Wahl-Jorgensen & Th. Hanitzsch (Eds), *The Handbook of Journalism Studies* (pp. 428–438). New York: Routledge.

Received: March 1, 2019

Accepted: April 24, 2019

Author's information:

Sergey G. Korkonosenko — Dr. Sci. in Political Scs., Professor; s.korkonosenko@spbu.ru